

НЕ ВЫЗЫВАЙТЕ ДЬЯВОЛА — ПРИДЕТ...¹⁹

Андрей ЗОЛОТОВ, «Известия» — 1992. — 25 июня.

В новой постановке в Большом театре оперы Гуно «Фауст» Мефистофеля спел Евгений Нестеренко...

В некотором смысле, «Фауст» — это Мефистофель, с его куплетами во славу презренного металла и зловещей серенадой, отпевающей невинность. Можно философически заметить здесь, что оба героя, — и у Гёте, и у Пушкина в его «Сцене из «Фауста», и в скромной, обаятельной лирической опере Шарля Гуно, — не только повязаны «торговой сделкой» (продал душу — купил душу), но суть продолжение друг друга (притом, что антиподы), но даже одно эстетизированное, энергетически взвинченное и разрушающее себя целостное естество, обваливающее мир вокруг.

Впрочем, все это соображения уже не столько по поводу оперы «Фауст», сколько размышления на спектакле оперы «Фауст» в Большом с Нестеренко в образе Мефистофеля. Он был в этот июньский вечер на сцене

родного театра «первый актер», говоря словами Гоголя.

Есть в искусстве Евгения Нестеренко тот высокий академизм, музыкальная глубина и сиюминутное ощущение характера персонажа, которые гарантируют этому прославленному артисту сосредоточенное внимание публики. В атмосфере этой сопряженности артиста и публики в момент исполнения, когда только и может родиться ощущение убеждающей игры, только в такой момент артист может позволить себе обратиться к залу еще и какие-то свои личные мысли и ощущения «по поводу», как некий контекст роли.

Каков же этот контекст? Нестеренко-Мефистофель ироничен.

Он очень основателен в каждом своем поступке, действии, шаге, жесте. Он старателен в достижении своей, если угодно, политики. Он совсем не са-

моуверен и сознает, что его можно победить. Но Мефистофель в интерпретации Нестеренко это сила, хотя и ирреальная, но способная обрести черты достоверности и даже бытовой «человечности» в атмосфере сниженных нравственных критериев и даже полного отказа от них. Такого Мефистофеля только позови — и он придет. И тогда многим придется испытать на себе силу дьявольских чар и увидеть вокруг крушение идеалов человеческой жизни и самого дорогого — живой души...

Нестеренко на редкость пластично, неожиданно и достоверно вламывается в жизнь пусть оперного Фауста, и царит, царит, царит. Его вызвали — и он явился. В конце спектакля Мефистофель исчезает в корчах, под испепеляющим взглядом «сил добра». Но уходя, он остается. Остается образ, созданный артистом в просторе красивой музыки. Остаются и мысли, навеянные его игрой, его пением. Мысли эти иногда посерьезнее, чем «Фауст» Гуно...

Фото В. АХЛОМОВА.

